

*Памяти Ивана Ткаченко, капитана ярославской
хоккейной команды «Локомотив», и его команды
посвящается*

*«Ивана всегда легко можно было узнать на льду
по особой манере игры и, конечно же, по номеру.
Цифру «17» Ткаченко выбрал не случайно —
под таким номером играл легендарный хоккеист
Валерий Харламов. Удивительным образом Ваня
повторил трагическую судьбу своего кумира, уйдя
из жизни на пике популярности...»*

Евгений Панин, друг Ивана Ткаченко

Хотя по выходным не нужно идти в школу, Виктор без всякого будильника ещё затемно спрыгивал со своей верхней полки, наспех одевался, хватал ботинки с коньками и клюшку и выскакивал из квартиры. И уже через десять минут сквозь открытую форточку с улицы доносились громкие крики пацанов, скрип коньков и удары клюшек.

А Егор лежал на своей нижней полке, закинув руки за голову, с открытыми глазами, но видел не днище братниной полки,

а вчерашний бой подростковой хоккейной команды «Соколы “Локомотива”» с «Орлятами “Шинника”» — игру, на которой его брат Витя забил «Орлятам» не одну, не две, а три шайбы! Вот это была игра! «Орлята» героически защищались и даже нападали, они забили «Соколам» две шайбы, но в третьем периоде при счёте 2:2 тренер «Соколов» выпустил на лёд Витину тройку «Юрасов — Вышинский — Колобов» и... Когда на последней минуте Витя с подачи Васи Колобова забросил свою третью шайбу, все трибуны в ледовом дворце «Торпедо» просто взорвались восторгом! А после игры не только мама, но даже Катя из 7 «Б» класса поцеловала Виктора! Что с противоположной трибуны видел, конечно, девятиклассник Роман Бугримов, который тоже к Кате неровно дышит...

— Н-да... — тяжело вздохнул Егор. — Нужно вставать...

Хотя на двухэтажной подростковой кровати его полка была нижней, но от этого ему не легче. Он на полтора года младше Виктора и на одну ногу несчастней — по словам врачей, у него гемипарез, врож-

дённый паралич левой ноги. Что это такое? Это когда вы не чувствуете свою ногу, а таскаете её, как тяжёлую культу. И с этим надо жить с утра до ночи и с ночи до утра. Круглосуточно.

Сев на постели, Егор спустил на пол правую ногу, а затем двумя руками взял мёртвую, как колода, левую ногу, сдвинул её к краю кровати и уронил вниз. Теперь, чтобы встать, нужно в полутьме достать костыли, прислонённые к стулу, подтянуть их к подмышкам и так, с подвисящей левой ногой, отправиться в туалет. При этом стараться не стучать костылями, чтоб не разбудить мать. Суббота и воскресенье у мамы самые трудные дни, она работает экскурсоводом в краевом музее и по воскресным дням водит по городу туристов, то есть весь день на ногах. Значит, сегодня ей нужно поспать хотя бы до девяти; слава богу, что окно её комнаты выходит не во двор, а на противоположную сторону, на улицу, и ей не слышны эти ранние хоккейные баталии на дворовом катке.

В Ярославле все пацаны помешаны на хоккее, даже Егор был на игре легендарно-

го «Локомотива» с «Буревестником» — но, конечно, давно, до гибели «Локомотива» в авиакатастрофе в сентябре 2011 года. Это был первый настоящий хоккейный матч, который Егор видел живьём, но именно с тех пор над его и Витиной кроватью рядом с портретами Брюса Ли и Джеки Чана появился портрет Ивана Ткаченко, капитана «Локомотива», знаменитого после гибели даже больше, чем при жизни, потому что только после его смерти выяснилось, что он совершенно анонимно, в тайне от всех посылал деньги больным детям...

Спустив воду и выйдя из туалета, Егор вернулся в свою комнату, допрыгал на костылях до окна и лёг грудью на подоконник, чтобы увидеть двор с пятого этажа. А там баталия уже шла во всю! Двенадцати-четырнадцатилетние пацаны лихо носились за шайбой по катку, залитому во дворе совсем недавно, с первыми ноябрьскими морозами. Теперь, дорвавшись до льда, они весело сшибали друг друга, выделявали финты и гремели клюшками.

Найдя глазами брата, Егор ревниво следил за его игрой. Он любил Викто-

ра. Да и как не любить, когда Витек всю жизнь носится с ним, как с писаной торбой! Сызмалу таскал его на руках, как котёнка, учил ходить на костылях и лупил всякого, кто дразнил Егора или отнимал у него игрушки на детской площадке. А про школу и говорить нечего, в шко-

ле Витя — его главная опора в прямом и переносном смысле!..

Тёплые материнские руки вдруг обняли Егора сзади, и всей своей спиной, шеей и затылком Егор разом ощутил мягкое блаженство младенчества, когда мама держала его на руках. Но ему уже двенадцать, он не может позволить себе эти нежности!

— Ма, ты чего? — сказал он и попытался высвободиться.

— Доброе утро, — сказала мать, не выпуская его плеч. — Есть хочешь?

— Нет ещё...

Какое-то время они оба смотрели на хоккейную игру и на Виктора, а потом Егор спросил:

— Мам, а ты вообще умеешь на коньках?

Мама усмехнулась:

— Когда-то умела. Даже за институт выступала... — И вдруг её осенило: — Ну-ка, пойдём!

— Куда?

— Вниз, во двор!

— Зачем?

— Пойдём, одевайся! Я сейчас... — и мать метнулась в свою комнату.

***

Когда они, одетые по-зимнему, спустились во двор, там уже светлело и игра закончилась.

— Витя! — позвала мать. — Поди сюда! Виктор, потный, разгорячённый и с синяком на лбу, подкатил к ним.

— Ближе, — сказала мать.

— А чего?

Она тронула пальцем его синяк.

— Больно?

Он отмахнулся:

— Не, ничо! — и хотел отъехать к пацанам, обсуждавшим закончившуюся игру.

Но она придержала его за рукав куртки:

— Подожди...

Второй рукой зачерпнула снег из сугроба и приложила к синяку.

— Стой, не дёргайся!

— Ну, ма!...

— Да стой ты! — прикрикнула она и вдруг тихо и совсем другим тоном: — Покатай Егошу.

— Как это? — оторопел Виктор.

— Запросто. Иди сюда. Стань ему со спины.

— Ма, ты чо? — сказал Егор.

Но она уже завела Виктора за спину к Егору и распорядилась:

— Ближе! Плотней! Вот так! А теперь бери его под мышки и ставь себе на ноги! А ты, Гоша, дай мне костыли! Давай! Ты понял, Витя? Покатай его! — И, водрузив младшего сына на ботинки и ноги старшего, распорядилась: — Пошел, Вить! Пома-лу...

Но Виктор уже и сам ухватил её идею, он в обхват сжал брата под мышками и так, держа его перед собой, как большую куклу, выкатил с ним на каток.

Пацаны, толкая друг друга локтями, удивлённо смолкли.

— Спокойно, — негромко командовал Виктор брату. — Пригнись и правую ногу вперёд! Вместе со мной! Вот так, раскатывай!.. А левой я сам, сам! Вот... А теперь снова правой! Вперёд! Спокойно, не дави! Катим...

И они действительно покатали по катку, а мать кричала им со стороны:

— Хорошо! Быстрее, Витя! Не бойся! Молодцы! Смелей! С ветерком! Давай, давай!

И Виктор понял её, и набрал скорость, и вдруг... вдруг Егор ощутил радость скорости и полёта!

Скорости и полёта!

Скорости и полёта!

И засмеялся от счастья!

Пусть всего одной ногой он помогал брату, но они летели!

Они мчались навстречу восходящему солнцу!

Двое в одном теле и в одном полёте!

И весёлый голос матери летел вместе с ними:

— Быстрее! Ещё быстрее! Bravo!..

Конечно, на крутом повороте они оба грохнулись с коньков и, расцепив руки, уже врозь покатались на спинах по льду. Но Егор не чувствовал ушибов — растянувшись на льду, он смотрел в утреннее небо и блаженно улыбался ...

